

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ МОКИЕНКО*

Лингвокультурологические и аксиологические аспекты русской паремииологии в исследованиях М. Л. Ковшовой

(Ковшова М. Л.: Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. Москва: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.;

Ковшова, М. Л.: Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. Москва: ЛЕНАНД, 2019. 352 с.)¹

Mokienko. V. M.: Linguoculturological and axiological aspects of Russian paremiology in the studies of M. L. Kovshova. *Slavica Slovaca*, 55, 2020, No 1, pp. 122-133 (Bratislava).

Modern phraseology and paremiology has largely become popular due to such general linguistic areas as linguoculturology, cognitive science and axiology. A powerful impetus to the development of these disciplines was given by the scientific school of prof. V. N. Telia, who proposed both a holistic theory and its practical implementation in lexicography. This review analyzes the latest work of the student and follower V.N. Telia - prof. Maria L. Kovshova. In her monograph "Linguocultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings. The Anthroponymic Code of Culture" and other works, the author presents his concept of linguoculturology and demonstrates the axiological nature of Russian paremiology. The universal features of Russian paremias against the background of pan-European ones, as well as their nationally specific reflection in the language of folklore, are revealed. Between different small genres of folklore (proverbs, sayings, idioms and riddles) M. L. Kovshova searches for and finds an anthroponymic code that makes up the cultural dominant of folk speech. The cultural and linguistic picture of the world in the mirror of phraseology, the cultural specificity of idioms and paremias and the cultural reference of idioms and paremias are an organically connected and diachronically conditioned triad. Perception of idioms and paremias, according to M. L. Kovshova includes a process of cultural reference, i.e. the ratio of the components of the image and the image as a whole with the space of culture. This creates a semantic "layer", which, in fact, is the key to ethnic mentality. Researches of M. L. Kovshova represent an integral palette of Russian paremias in a consistent linguoculturological coverage.

Paremiology, linguoculturology, axiology, paremia, anthroponymic code.

12 – 13 апреля 2019 г. кафедра славянской филологии философского факультета Университета Коменского в Братиславе провела по инициативе проф. М. Добриковой международную конференцию «СЛАВОФРАЗ» на знаковую тему «Перцепция сверхъестественного во фразеологии». В ней приняло участие более 60 участников из разных стран, в том числе и автор рецензируемой монографии. Доклады ведущих славистов – паремиеологов, культурологов и фольклористов имели значимый научный резонанс, ибо именно в это время наметилось сотрудничество разных специалистов в исследовании паремииологии. Это возвращение к старой «классической» тематике органично вписалось в современную лингвистическую и лингвокультурологическую актуализацию извечной проблемы взаимодействия «язык – культура» и реконструкции языковой картины мира, ведущей своё начало от попыток создать «Orbis Sensualium Pictus» Я. А. Коменским ещё в середине XVII в. (Comenius 1657). И такое возвращение, как всегда, стало не повторением исходной идеи, но – подобно вернувшемуся бумерангу, принесло с собой новую научную «добычу».

Современные реконструкции языковой картины мира как в её естественном, так и «сверхъестественном» отражении, когнитивные интерпретации языковых явлений и аналитические

* Валерий Михайлович Мокиенко, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии СПбГУ. Россия, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.11.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Science Foundation, сокращенное наименование, RSF (проект №20-18-00091, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

описания концептов значительно обогатили современную лингвистическую теорию и практику, придали ей новые формы и обновлённое лингвокультурологическое содержание. Современная славянская фразеология и паремиология внесла в это мощное исследовательское течение не только свою лепту, но и весомый талант. Можно без преувеличения сказать, что лингвокультурология как самостоятельная научная дисциплина была рождена именно в лоне фразеологии, во всяком случае – вскормлена её материнским (resp. materským) молоком. В этом процессе знаковую роль сыграли труды В. Н. Телии, которая не только сразу увидела перспективность лингвокультурологических исканий, но и создала свою научную школу, делающую теперь «погоду» в этой дисциплине. Д. Б. Гудков, И. В. Зыкова, М. Л. Ковшова, В. В. Красных и другие представители этой школы активно демонстрируют плодотворность различных аспектов лингвокультурологии, придавая ей особую весомость.

Новая книга М. Л. Ковшовой – одно из убедительных тому свидетельств. Культурно-языковая картина мира, по её определению, – это «отраженные в языке культурно обусловленные процессы категоризации и концептуализации мира, которые оказывают влияние на носителей языка в процессах познания и интерпретации мира и служат формированию мировоззрения, основанного на общности этнической культуры» (с. 23). Развивая методологический принцип лингвокультурологии о том, что языковые единицы необходимо исследовать как вербальные знаки тех или иных кодов культуры, сформулированный В. Н. Телией, её ученица ставит новые задачи этой дисциплины. «Задачи лингвокультурологии, – подчёркивает автор книги, – исследовать, какие культурные смыслы добавляются в языковую семантику; выявлять, какие типы культурной информации актуализируются в сознании носителя языка; при этом отмечать, насколько те или иные знания когнитивно релевантны современному сознанию» (с. 197). Эта общая идея оплодотворяет анализ всех избранных для исследования языковых единиц, образующих единое паремиологическое пространство: пословиц, поговорок, загадок и др.

В монографии М. Л. Ковшовой представлен комплексный лингвокультурологический анализ идиом и паремий как знаков языка и культуры. Языковые воплощения культуры, разумеется, более широки и многомерны, чем их паремиологическое отражение, но тем не менее именно во фразеологии в широком смысле коренятся реминисценции (иногда весьма древние) о ритуалах, обычаях, мифах, обрядах традиционной культуры. Они, как показывает опыт их лингвистического описания, наиболее насыщены культурно маркированной информацией и выдвинуты на мировоззренческий план её описания.

В двух главах монографии представлен широкий спектр проблем современной паремиологической лингвокультурологии. Первая глава – «Лингвокультурологический анализ идиом и паремий» посвящена сущностным вопросам этой молодой лингвистической дисциплины. К ним относится важнейшая триада: культурно-языковая картина мира в зеркале фразеологии в широком смысле; культурная специфичность идиом и паремий и культурная референция идиом и паремий.

Воспринимая семантику паремий и идиом, носители языка «подрабатывают» её теми смыслами, которые сформировались в культуре, образуя в результате этой «подработки» культурные коннотации, влияющие на варьирование компонентов. Восприятие идиом и паремий, по мысли М. Л. Ковшовой, включает в себя процесс культурной референции, т.е. соотношения компонентов образа и образа в целом с пространством культуры. Тем самым обеспечивается «считывание» идиом и паремий кодом языка и кодом культуры со всеми их сходствами и различиями. Исходные же смыслы в семантике паремий и идиом придают этим языковым единицам особую «живучесть» при любых чужих влияниях и инновациях, не затрагивая их тонкого смыслового «слоя», который, по мнению М. Л. Ковшовой, и является ключом к этнической ментальности.

Вторая часть первой главы посвящена особому жанру паремий – загадок, которые до сих пор не пользовались особым вниманием лингвистов, будучи в основном полем фольклорных и этнографических исследований. Загадка в игровой форме развивает воображение – ср. удачно подобранные «костюмные» загадки: *Щёголь Ивашка: что ни год, то рубашка; Одноног*

Ивашка – расписана рубашка; Лежит Егор под межой, накрыт зелёной фатой (огурец); *Под деревом — Андрейки, все в тиобетейках* (жёлуди); *Маленький Данилка в петёлку удавился* (пуговица); *Идёт Яшка – белая рубашка* (снег). В загадках характеризуются такие концепты чувств и эмоций, как страх, боязнь, горе, скорбь, беда, радость, веселье, зло, злость, любовь, ненависть, удивление, спокойствие. «В загадках отражено противопоставление физиологических реакций – реакция, что вызваны душевными переживаниями, которые детерминированы социальными отношениями, – констатирует М. Л. Ковшова. – Образы загадок интерпретируются в пространстве культурного знания, прежде всего – в стереотипных представлениях о свойствах предметов и явлений; данные знания лежат в основе кодирования и декодирования загаданных денотатов – объектов материального мира» (с. 86).

Идиомы же, в отличие от загадки, выполняют дидактическую функцию, характеризуясь оценочностью и эмотивностью. При этом и в идиоме, и в загадке заключено имплицитное «противопоставление обыденного видения мира – необычному, вскрывающему культурно обусловленное существование предмета в сознании. Идиома и загадка – большие «категориальные ошибки» в таксономии предметов и описании мира... В загадке метафора подсказывает, в идиоме – указывает. Загадка намеренно непрямо описывает денотат и тем самым даёт возможность увидеть мир неожиданно ярким, открыть его заново. Идиома намеренно непрямо описывает происходящее, чтобы выразить эмоционально-оценочное отношение к нему, передать закодированные в образах важнейшие установки культуры» (с. 110, 363).

Образы чувств и эмоций в традиционных загадках, загадочность идиом и идиоматичность загадок, загадки в СМИ: сходные образы и исходные смыслы в идиомах и паремиях – вот круг вопросов, на которые автор даёт объективные и «материально» подкреплённые лингвокультурологические ответы.

Во второй главе – «Собственное имя в паремиях и идиомах. Антропонимический код культуры» М. Л. Ковшова представляет совершенно иную ипостась интересующих её паремиологических единиц. Здесь осью анализа становится такой знаковый стержневой компонент паремий, как имя собственное, которое, по её словам, является «индексом стереотипных представлений, которые отражены в образной семантике пословиц, идиом и загадок» (с. 308). По наблюдениям М. Л. Ковшовой, такое имя в составе паремий и идиом не выполняет своего языкового назначения, а используется как строительный материал в образовании соответствующих паремий. В основе внутренней формы паремий и идиом с собственными именами лежит креативно олицетворённая метафора или сравнение, усиливая образность, иносказательность, что, собственно говоря, противоречит «классической» функции имени собственного. Тем самым автор обосновывает положение, что собственные имена в паремиях и идиомах выполняют культурно-языковое назначение – активно участвуют в образном антропоморфном описании действительности, обладают обобщённой референцией и выступают средством концептуализации объектов и типизации их свойств. Задача исследовательницы здесь – провести дифференциацию ономастических паремий и составить их типологию, выявить культурные коннотации, возникающие в ходе их референции к антропонимическому коду культуры и, наконец, дать характеристику антропонимического кода культуры.

В лабиринте многослойных проблем ономастики автор ищет и находит свою немеркнущую путеводную звезду – Лингвокультурологию. Именно лингвокультурологический ракурс исследования позволяет ей отвлечься от многих чисто ономастических проблем и уверенно держать курс на диагностику взаимодействия собственного имени и культуры. Предлагая собственно языковую характеристику собственных имен в паремиях и идиомах, М. Л. Ковшова делится с читателем общими наблюдениями над их формулами и формами и основными функциями. Подчёркивая роль собственного имени в качестве формального компонента в паремиях и идиомах, московская лингвокультуролог диалектически взвешивает все «за и против» переоценки формы в pendant содержанию. Затем следует последовательное описание культурной референций онимов и типология собственных имен в паремиях и идиомах. При этом, как показывает

детализированный анализ на репрезентативном материале, разные типы паремий ведут себя по-разному в пословицах и поговорках, в загадках и в идиомах. Специализированно рассматриваются в книге также мифонимы и агнионимы в паремиях и идиомах (resp. фразеологизмах) с одной стороны, и в загадках – с другой.

Особое место отводится в книге фразеологизмам-эвфемизмам. Уместен и специализированный анализ литературных и исторических онимов в паремиях и идиомах, референция которых существенно отличается от референции иных типов народной паремииологии.

Специальный раздел (который по масштабности решаемых проблем можно было бы выделить в отдельную главу), посвящён антропонимам в составе паремий, идиом и загадок – как традиционных, так и современных. Они, как убедительно показывает М. Л. Ковшова, с одной стороны, обладают обобщенной референцией, выступая средством концептуализации объектов и типизации их свойств (с. 149), а с другой – имеют свои особенности референции в зависимости от типа паремииологического пространства, в которое включены и являются дискурсивно маркированными единицами фольклора. Тем самым собственные имена в составе паремий являют собой особый, антропонимический, код культуры и в качестве такового кодируют ценности и антиценности, ассоциирующиеся в коллективном сознании с именованном персон и персонажей в мировой и национальной культуре.

Значимым обобщением таких референций является предлагаемый автором книги индекс стереотипных представлений, отражённых в идиомах и паремиях с собственным именем. Наконец, звучным аккордом анализируемой проблематики является раздел «Собственное имя в традиционном дискурсе. Опыт полидискурсивного анализа», предвещающий заключение. Таков лингвокультурологический анализ антропонимов в пословицах, поговорках, загадках проводится в сравнении с другими жанрами фольклора: частушками (с. 337-340), плясовыми песнями (с. 340-341), подблюдными песнями (с. 344-345), календарными и свадебными песнями (с. 345-346), заговорами (с. 346-347), колыбельными песнями, потешками, потешными песнями, дразнилками, обзывалками, считалками, скороговорками (с. 347-357), «пирожками» и «порошками» (с. 352-355) и др.

Оригинальный «Словарь собственных имен в русских паремиях, идиомах, загадках и отгадках» справедливо выделен в отдельный том. Словарь на большом фактическом материале показывает, что русские собственные имена, прежде всего антропонимы, в паремиях и идиомах «обеспечивают» яркую антропоморфную картину мира.

Как видим, новая монография М. Л. Ковшовой представляет целостную палитру русских паремий в последовательно лингвокультурологическом освещении. Немало в книге и ценных отдельных выводов, наблюдений, комментариев. Назову несколько из них.

Вот яркий фрагмент такой целостной палитры – своего рода «денотативный портрет»: «С какими денотатами связаны в народном сознании те или иные чувства, эмоции? Страх и боязнь или, напротив, бесстрашие являются признаками денотата в загадках про зайца, волка, мух, таракана, комара, петуха, сову, филина, рака, мышшь, соль, снег, горшок, огородное пугало, пулю, часы, электрическую лампочку, печь, смерть. Злоба, злость встречается в загадках про волка, змею, пчёл, редьку, лучину. Горе горюет крыса. Без горя живёт бел-горюч камень; рака горе красит. Скорбит печной заслон. Плачут в загадках – горшок, вёдра, свечка, колокольчик, балалайка, гудок, дудка, скрипка, гитара, кулик, сосулька, опавший лист, трава, которую косят; кто чистит лук или смотрит на солнце... (с. 77). Не менее ценно замечание о причинах сужения такой валентности: «Актуализованный режим сужает макроситуацию пословицы (поговорки), её денотативную поливалентность до одной конкретной ситуации (денотата), привязывает смысл пословицы к этой ситуации, соотносит актанта при предикате пословицы с конкретным референтом» (с. 55-56).

Феномен «денотативной валентности», открытый М. Л. Ковшовой, позволяет объяснить и очевидное чисто количественное несоответствие: пословиц и поговорок с антропонимами гораздо больше, чем загадок с онимами в их составе. Оказывается, на это указывает именно

широкая денотативная валентность многих загадок со сходными образами и одним и тем же онимом в своем составе (с. 169). Любопытна и частная, на первый взгляд, констатация того, что «на семантическую опустошенность собственных имен в паремиях и идиомах указывает также их **гендерная вариативность**: при создании одного и того же или сходного образа для того же денотата используется форма и женского, и мужского рода...» (с. 163). За нею скрывается архиважный контраргумент в пику гендерным лингвистам, настаивающим на маскулинной доминантности русского языка с опорой на некоторые субъективно интерпретируемые зыбкие языковые факты (напр., неравновесие мужского и женского обозначения профессий или пословицы типа *Волос долог, а ум короток*). Системная гендерная вариативность, демонстрируемая М. Л. Ковшовой, убедительно показывает, что русский язык – как и другие славянские является гендерно уравновешенным.

Такого рода наблюдения органически вписываются в новейшие теоретические интерпретации – например, во фреймовый анализ загадок, который «высвечивает культурную основу механизма кодирования ... репрезентирует разные типы культурной информации» (с. 102) или в глубокое погружение в многоаспектную проблематику прецедентных имён (с. 145 и сл.).

В то же время М. Л. Ковшова искусно и уместно обращается к отечественной языковедческой традиции, помогающей глубже осмыслить исследуемую проблематику. Такова ссылка на актуальное и теперь суждение Ф. И. Буслаева, что загадки, поговорки, пословицы – «разрозненные члены одного общего – сказочного предания», которые происходят «из одного общего зародыша» (т.е. концепта – с. 116). Не менее уместно обращение М. Л. Ковшовой к интерпретации «внутренней жизни» слова и идеосемантики классика советской иранологии В. И. Абаева.

Уважение к традиционным подходам к паремиологии в широком смысле вообще – одно из несомненных достоинств исследования М. Л. Ковшовой. Ведь загадки лингвокультурологического кода паремий она стремится разгадывать на основе апелляции к их внутренней форме. «Без обращения к словарю смыслов идиомы в полной мере не овладеть. Фразеологический словарь, особенно оснащенный историко-этимологическим и культурологическим комментарием, раскрывает историю выражения, делает прозрачным для пользователя образ идиомы, разъясняет и выстраивает все культурные коннотации, которыми богата идиома и которые активно используют в своей работе профессиональные говорящие – журналисты, литераторы, учителя и др. «Отгадывание» неизвестной идиомы без помощи контекста и словаря становится своего рода тестом на сообразительность и культурно-языковую компетентность носителя языка» (с. 89-90). «Идиомы и паремии, тесно связанные с народной культурой, наиболее насыщены культурно маркированной информацией; – подчёркивает М. Л. Ковшова, – в образах идиом, пословиц, поговорок, загадок по-своему, исходя из особенностей данных знаков, запечатлено окультурное выделение тех или иных явлений из контекста действительности, выдвижение их на мировоззренческий план ее описания» (с. 362).

Именно историко-этимологическая «окультуренность» обнаруживает существование «особой имплицатуры в паремиологической семантике – исходных смыслов» (с. 118). Под **исходными смыслами** понимается «некая сумма содержательных признаков, которые в семантике словесных знаков составляют более ранний культурно-смысловой «слой», связывающий семантику словесных знаков с семантикой традиционной культуры. Исходные смыслы входят тонким «слоем» в семантику паремий и идиом, привнося в значение знака суть того ценностно-смыслового содержания, которое создано в народной культуре и утверждено традицией» (с. 119). «В отличие от культурных концептов, исходные смыслы представляют собой означивание связей между предметами и явлениями действительности и нормами культуры. В отличие от культурных коннотаций, исходные смыслы формализуются в виде предписаний», – так определяет роль этого языкового и культурологического феномена М. Л. Ковшова (с. 126). Т.е. речь, собственно, идёт об этимоне, т.е. образном зародыше паремии, её базовой первооснове, накладывающей свой лингвокультурологический отпечаток на всю её современную дискурсивную жизнь.

В современных реконструкциях языковой картины мира и паремиологических и лингвокультурологических исследованиях – что греха таить – нередки псевдоглубокие выводы о тайнах русской души, чисто русском национальном характере, нашей особой ментальности и т.п., которые делаются, увы, на перепеве классического собрания «Пословицы русского народа» В. И. Даля более чем полуторавековой давности. М. Л. Ковшова не просто уклоняется от этого простого пути, но разворачивает перед читателем всю животворную палитру русской паремиологии – от предшественников В. И. Даля до наших дней. Материал, вводимый автором в орбиту её исследования, многомерен и самоценен. Тут и далевское собрание и словарь, и сборники И. П. Сахарова, И. А. Худякова, Д. Н. Садовникова, И. А. Иванецкого, М. А. Рыбниковой, В. Н. Блохиной, В. В. Митрофановой, записи Ф. Орлова, М. В. Красноженовой и многих других радетелей живого русского слова. Анализ ИС проводится с использованием практически всех зафиксированных в различных словарях, корпусах и сетевых источниках русских пословиц, поговорок, загадок и идиом, включая как исконно русские так и заимствования, как устаревшие, так и новейшие, как узальные, так и окказиональные, как территориально и социально маркированные, так и общеречевые, как продукты фольклора или литературы, так и анонимные и авторские.

Благодаря яркому, свежему и массивному материалу повествование о премиях превращается в остроумные лингвокультурологические эссе. Таков очерк о *Любопытной Варваре* (с. 301-303), легенда о *Шате* и *Доне* (с. 207-208), этюд о глуповатом *Емеле* и его нынешнем ономастическом стереотипе с созвучными экспрессивными формами *Алёша/Лёша/Лёха*... (с. 315-316) или эссе о различиях и многообразии шляпы в истории русского костюма (с. 35 и сл.). В сюжетные зарисовки превращаются и интерпретации некоторых оборотов – напр., *без окон без дверей* (с. 113).

А очерк о седине (с. 18 и сл.) тронет сердца не только русских убелённых сединой патриархов, но и китайских мудрецов. Ведь русские и китайские сравнения *как лунь седой (белый)* и *白发苍苍* букв. белые и седые волосы журавля; *鹤发鸡皮* букв. волосы журавля и кожа курицы – «близнецы-братья» не только по «птичьей» метафоре, но и по жизненным (пусть и с грустинкой) наблюдениям, уходящим в древние недра национальной лингвокультуры.

Наконец, – last, but not least – нельзя не отметить жизнелюбие и сочность научного стиля М. Л. Ковшовой, свидетельствующие о любви к анализируемому живому материалу. Такие пассажи в XIX веке назвали бы французским оборотом *bon mot*. А поскольку из такой песни слова не выкинешь, привожу несколько образцов такого стиля полностью: «Но загадка на то и загадка, чтобы не помогать в поиске ее смысла, а уводить от искомого денотата. Поэтому мифонимы в загадке могут привносить лишь ассоциации, быть мифологическим «бантиком» загадки» (с. 190). «Рифма в идиоме подсказывает, что царь Косарь – царь «фейковый», самозванец»... (с. 231). «Фразеология – честный человек, и лингвокультурологическое исследование фразеологизмов дает ключ к пониманию культурно-национальной ментальности и конкретной личности как представителя этой ментальности» (с. 243). Стилистической «сочностью» отличаются и многие подзаголовки разделов книги. Вот лишь один из них: § 5. Загадочность идиом и идиоматичность загадок (с. 86).

Монография М. Л. Ковшовой, как видим, – яркое событие в лингвокультурологической серии современных исследований. Дискуссионные моменты лишь придают, как кажется, «пряности» некоторым констатациям автора. Таким моментом, как кажется, являются терминологические разночтения при квалификации анализируемых паремий в книге. С одной стороны, М. Л. Ковшова как будто выстраивает достаточно логический и последовательный терминологический ряд, позволяющий разграничить функционально и формально их типы. Представим его в обобщающей репрезентации самого автора: «**Пословицы** – логически законченные сентенции, суждения, данные в прямой или иносказательной форме, имеющие нравоучительный и назидательный смысл и характеризующиеся синтаксической, ритмической и фонетической организацией. ... Ср.: *Богат Иван – богат и пан. Не надейся на Ивана, а бери из своего кар-*

С одной стороны, *поговорками* в книге называются такие обороты, как *Тишь да гладь да Божья благодать, Гладко стелет, да жёстко спать, Начал гладью, а кончил гадьё, Гладко было на бумаге, да забыли про овраги.* (с. 31), *За короля Саса (саксонского) было и хлеба и мяса* (с. 256), с другой – *Гладкая лапка, а цапка, Кошачья лапка гладка, а коготок востёр* (с. 32), *В платье и пень пригож* (с. 44), *Бог не Мануков, и без посулу милует* (с. 256). Но первая приведённая группа качественно тождественна тем паремиям, которые определяются М. Л. Ковшовой как *идиомы*. Легко, например, заметить, что «поговорка» *За короля Саса (саксонского) было и хлеба и мяса* абсолютно семантически и функционально идентична «идиоме» *При царе Горохе (Косаре, Копыле)*: они значат ‘очень давно, в незапамятные времена’ (с. 231). А вот вторая выше названная подгруппа «поговорок» – *Гладкая лапка, а цапка, Кошачья лапка гладка, а коготок востёр, В платье и пень пригож, Бог не Мануков, и без посулу милует* – классические пословицы, ибо функционально относятся к морализирующим, дидактическим сентенциям, а формально – к законченным синтаксическим структурам. Собственно говоря, трудно отграничить поговорки от идиом в том ряду паремий, которые М. Л. Ковшова с уверенностью называет идиомами: *Филькина грамота. Как редька надоесть* (с. 155), *Дед Клим пришёл ‘о наступлении климакса’* (с. 156), *Гуляй, Вася! 1. Отказ. 2. Указание на полное отсутствие проблем’* (с. 158), *Показать Кузькину мать* (с. 159), *При Петре-косаре ‘Очень давно или никогда’* (с. 160) и мн. др.

Отсюда – отнесение одних и тех же единиц в разные рубрики классификации и разные разделы книги, т.е. – то к поговоркам, то к идиомам: *Показать кузькину <Кузькину> мать. Узнать кузькину <Кузькину> мать <Узнать, как у Кузьки мать зовут>* (с. 229); *при царе Косаре <царе-косаре>* (с. 231) и *при царе Горохе.* (с. 231 и сл.).

В ряду паремиологических и лингвистических терминов остаётся ещё один, довольно существенный – а именно *фразеологизм* (resp. *фразеологическая единица*). Автор редко его использует, но *polens volens*, когда это приходится делать, придаёт этому термину глобально широкое значение: «Фразеологизмы – идиомы, коллокации, перифразы, ситуативные клише (в меньшей степени – наивные термины) – нацелены на образное описание реальной действительности» (с. 239). Значит, фразеологизмы намного шире, чем идиомы, поговорки, пословицы, а покрывают по сути дела всё образное пространство коллокаций (в широком смысле даже этого термина). Это уже что-то подобное УСК (устойчивым словесным комплексам) Л. И. Ройзензона, вызвавшее в своё время справедливую критику за терминологический глобализм. При этом над всей выстроенной в один строгий линейный ряд терминологической эскадрой реет и другой обобщающий термин – *паремия*... А тут ещё в разграничение терминов вклинивается и *крылатое выражение* (с. 252, 329) – термин, который функционально покрывается широким пониманием термина *фразеологизм*. Проблема терминологической дифференциации в этом конгломерате традиционных и нетрадиционных терминов становится (говоря крылатым словом) поистине Буридановой...

Справедливости ради нужно сказать, что и сама М. Л. Ковшова понимает диффузность терминологического разграничения идиом и поговорок, предложенного ею. Такова, например, оговорка: «По незавершенности высказывания некоторые поговорки близки идиомам. Ср.: *В доме-то у них словно Мамай воевал. Пусто, словно Мамай прошёл.* К известным поговоркам добавим устаревшую локальную поговорку: *Дурной, как Скоропадский*» (с. 257). Но, к сожалению, эта диалектическая оговорка нейтрализуется признанием, что лишь «некоторые поговорки близки идиомам». Нет, исходя из классического традиционного определения поговорок, не «некоторые поговорки» близки к идиомам, а **все идиомы являются поговорками** или – по иной современной лингвистической терминологии – **фразеологизмами**.

При всей отмечаемой противоречивости унификации попытку М. Л. Ковшовой внести упорядоченность в неупорядоченное терминологическое пространство, доставшееся лингвистам (фразеологам и паремиологам) в наследство от фольклористов, следует признать креативной и своевременной, хотя и проблематичной. Особенно сейчас, когда новейший культурологиче-

ский тренд требует обращения к таким традиционным фольклорным жанрам, как пословицы, поговорки и загадки.

Конечно, попытки пересмотра этих традиционных терминов делались и ранее. С течением времени менялась и точка зрения на эти термины. Древнерусское слово *пословица* было многозначным: оно характеризовало и любой словесный договор, и соглашение между отдельными людьми, и «соумышление», и вообще – «согласие, мир». Одним из таких значений было и «краткое, выразительное изречение, иносказание, сентенция». Прежде не различали пословицы и поговорки. Так, знаменитое устойчивое сравнение из «Повести временных лет» – *погибоша, яко обри* (которое мы бы отнесли к *поговоркам* – сиречь *идиомам* или *фразеологизмам* компаративной структуры) летописец называет именно *пословицей*. Постепенно в русской и зарубежной филологической и фольклористической традиции эти термины стали различаться достаточно определённо. В. И. Даль выразил это, принятое уже в его время, разграничение чётко и лапидарно. *Пословица*, по его мнению, – это «коротенькая притча», суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности», поговорка же – «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения... это одна первая половина пословицы» (Даль В. И.: *Пословицы русского народа*. Т. I. Москва, 1984, с. 13-14).

К *пословицам* В. И. Далем, следовательно, отнесены такие народные речения, как *Без труда не вынешь рыбку из пруда; Любишь кататься, люби и саночки возить; Ласковый телёнок две матки сосёт*, а к поговоркам – *погибоша яко обри, сваливать с больной головы на здоровую, чужими руками жар загребать*, то есть такие единицы, которые многими лингвистами называются теперь *фразеологизмами* (или, по англоязычной терминологии, *идиомами*).

Конечно, и сейчас не все учёные и собиратели пословиц и поговорок используют эти термины традиционно. Один из известных лингвистов и лексикографов, патриарх нашей фразеологии В. П. Жуков в своём «Словаре русских пословиц и поговорок» (Москва: Русский язык, 1991, с. 11) предлагает, в частности, весьма оригинальное их толкование. Под *пословицами* он понимает краткие народные изречения законченного синтаксического типа, имеющие одновременно прямой и переносный (образный) план, под *поговорками* – лишь те изречения, которые воспринимаются буквально. Вот эта дефиниция в её полном виде: «Под *пословицами* в широком смысле мы понимаем краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный (образный) план или только переносный план и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение. Так, пословица *Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало* отличается двойным планом – буквальным и иносказательным. Напротив, пословица *Горбатого могила исправит* имеет только образный план.

Под *поговорками* понимаются краткие народные изречения (нередко назидательного характера), имеющие только буквальный план и в грамматическом отношении представляющие собой законченное предложение: *Деньги дело наживное; Коса – девичья краса* (там же). Вот куда, собственно, тянут нити такого свойства *поговорок*, как назидательность, которое М. Л. Ковшова считает также категориальным их свойством.

Рецензируя 4-е издание словаря В. П. Жукова 1991 г. и составляя наш «Большой словарь русских пословиц» (Мокиенко В. М. – Никитина Т. Г. – Николаева Е. К.: *Большой словарь русских пословиц*. Около 70 000 пословиц. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.), я вынужден был отказаться от такой интерпретации при всём моём почтении к В. П. Жукову.

Во-первых, словарь В. П. Жукова – это словарь *пословиц*, т.е. такой, из корпуса которого удалены *поговорки* в традиционном смысле этого термина, т.е. *фразеологизмы* или *идиомы*. Сам В. П. Жуков термин *поговорки*, как мы видели, трактует (вслед за О. Широковой), правда, нетрадиционно, что и вынесено в заглавие словаря, где традиционных поговорок нет. Тем самым авторитетные толкования *пословиц* и *поговорок* В. И. Далем и многими фольклористами, к сожалению, пересмотрены, если не сказать negliжированы. Но дело не только в авторитетах. Ведь понимая столь нетрадиционно – пусть и весьма оригинально и креативно – старый тер-

мин *поговорка*, мы, русские фольклористы, этнографы и лингвисты, отрываемся от древней терминологической традиции. Ибо такое понимание противоречит устоявшейся отечественной и европейской традиции, где *поговорка*, как и укр. *приказка*, чеш. *rčení*, англ. *saying*, фр. *dicton*, нем. *Redensart* и т.д. употребляется для обозначения идиом или – в современной терминологии *фразеологизмов* (Мокиенко В. М. – Никитина Т. Г. – Николаева Е. К.: Большой словарь русских пословиц, с. d., с. 5). И словари европейских поговорок по своим словникам практически тождественны словарям фразеологии.

Но вернёмся к блистательной монографии М. Л. Ковшовой. Почему мне приходится столь пространно доказывать дискуссионность предлагаемой ею терминологической «линейки»?

Потому, что эта «линейка» мне кажется не линейной. Ведь термин *поговорка* – наследие фольклористики и этнографии, уходящих в античные традиции. А термины *идиома* (resp. *фразеологизм*), так же, как *коллокия*, *устойчивый словесный комплекс* и под. – наследие лингвистики. Причём наследия относятся новому, в нашей стране восходящей к трудам В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, А. В. Кунина и других основоположателей фразеологии как специальной лингвистической дисциплины. Вот почему, как замечено мною выше, термины *поговорка*, *идиома* и *фразеологизм* или *фразеологическая единица* (в узком терминологическом их значении) являются синонимами. И так же, как невозможно впрячь в одну телегу коня и трепетную лань, невозможно выстроить эти термины в единую линейную структуру. Их необходимо «запрягать» в разные телеги: одну – во фольклористическую (*поговорка*), вторую – в лингвистическую (*идиома*, *фразеологизм*). Понятно, что при таком «впряжении» будут и переходные случаи: не всегда, например, легко отделить «классические» пословицы от поговорок, а различные интерпретации лингвистических терминов *идиома* или *фразеологизм* накладывают (и будут накладывать) отпечаток на выбор словников фразеологических словарей. Тем не менее, традиционное толкование столь важного для лингвокультурологии термина, как *поговорка*, необходимо сохранить во избежание разночтений не только в отечественной лингвистической среде, но и в европейском научном пространстве, ибо терминологический разнобой усложнит «внедрение» лингвокультурологии в это пространство и вызовет непродуктивные дискуссии.

Из других рецензионных «придинок» можно отметить лишь некоторые неточности типа неверного воспроизведения псевдоними «героя» немецкой поговорки в ряду «формулы невозможности»: «В украинском фольклоре есть *царь Хмель*, в белорусском – *король Гарох*, в немецком – *Tabak*» (с. 212). В немецком правда, это имя звучит иначе – *Tobak*, хотя имеет то же «растительное» значение, что и рус. *Табак*. Поговорка *anno Tobak* ‘год табака’, зафиксирована примерно с 1800 г. По той же модели образованы выражения (шутл.) *anno Blumenkohl* ‘в году цветной капусты’, *anno Krug* ‘в году кувшина’ (имеется в виду время до употребления бутылок) и под.

Будучи, как подчёркнуто выше, абсолютным единомышленником М. Л. Ковшовой в её призыве проводить лингвокультурологические изыскания на основе глубокого погружения в историко-этимологические недра паремиологии, я лишь в редких случаях мог отметить отступления от такого принципа. «Какие ценностно значимые смыслы культуры содержатся в простой (при этом имеющей разные версии происхождения) идиоме [u] *конь не валялся?* – пишет автор. – Сквозь данный образ транслируется характерная для русской ментальности концептуальная схема аврального планирования работы, нашедшая свое выражение и в других единицах; ср.: *откладывать на потом*, *тянуть до последнего*, *в самый последний момент* и т.п. В современной речи активно бытует единица: *готовить доклад на коленке*. Коня ли готовят на коленке, доклад ли еще не валялся, – концептуальная схема, по сути, одна, и она является ключом к пониманию российской ментальности: начинать дело, приступать к работе в последний момент, когда ее уже нужно заканчивать. Утешает пословица: *Русский мужик долго запрягает, но быстро едет*» (с. 25).

Понятно, конечно, что этот пассаж – одно из остроумных *bon mots* автора книги. Тем не менее, как кажется, выражения *и конь не валялся* и *готовить доклад на коленке*, сопряжённые автором в единую поговорочную упряжку для демонстрации «характерной для русской ментальности концептуальной схемы аврального планирования работы» не совсем годятся для

такой демонстрации нашего отечественного менталитета. И именно потому не годятся, что их происхождение, добытое специальным этимологическим анализом, никак не совпадает с «авральностью». Ведь первоначальный образ фразеологизма (resp. поговорки) *ещё конь не валялся* расшифровывается на основе мифологизированных представлений о целительном валянии, катании коня в утренней росе. Это «действие» – своеобразный переход от ночи к дню, от тёмной ночи к солнечному дню, от «дьявольской» ипостаси коня к магически «очищенной». Первоначально этот оборот не столько характеризовал ещё не начатое дело, сколько – временной период, который предвещал уже появление света, наступление раннего «росистого» утра. При такой исходной семантической инерции никакой «авральности» в этом выражении не было.

Ещё меньшее отношение к русской ментальной «авральности» имеет оборот *готовить доклад на коленке*. Ведь это – калька с нем. *etwas übers Knie brechen* ‘быстро, наспех разделаться с каким-л. делом’. Оно зафиксировано уже с XVII в. И является отнюдь не отражением немецкой авральности, а, наоборот, порицанием скороспешного исполнения чего-л. Вот как раскрывает его внутреннюю форму один из признанных авторитетов в историко-этимологической интерпретации немецких поговорок Л. Рёрих: «Die Redensart beschreibt den Vorgang, daß man dünnes Holz oder Reisig, wenn man es rasch zerkleinern will, über dem gebogenen Knie zerbricht, statt erst nach einer Axt oder Säge zu greifen. Die übertragene Bedeutung der Redensart leuchtet sogleich ein, wenn man bedenkt, daß bei einem solchen Verfahren eine genaue Teilung des Holzes nicht möglich ist. Es entsteht dadurch der Nebensinn: etwas flüchtig bearbeiten... (Röhrich Lutz. Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Bd. 3. – Feiburg-Basel-Wien, 1994, 3, 858). То, что этот фразеологический германизм прошёл предварительную адаптацию в нашем языке, прежде чем стать символом «авральной» подготовки *доклада на коленке*, засвидетельствовал и пунктуальный «русский немец» М. И. Михельсон, верно подметивший переключку с немецким (Михельсон М. И.: Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 2. Москва: Русские словари, 1994, с.2, 498).

«Через колено не сломишь (переломишь)» (иноск.) – разом не сделаешь, не осилишь. Ср. *Из колена не выломить*, как щепку. Ср. У всех одно правило: «нам дай, а сам не смей!» Да где я возьму? *из колена* что ли *выломлю*. Писемский. Тысяча душ. 3, 4. Ср. *Das kann man nicht über's Knie brechen*.

Как видим, даже в таком частном случае именно историко-этимологическое прочтение поговорок (resp. идиом) помогает опровергнуть лингвокультурологическую переоценку негативных черт русского менталитета. Между прочим, и пословица (а не поговорка) *Русский мужик долго запрягает, но быстро едет*, как представляется, не совсем льёт воду на мельницу пресловутой русской авральности, поскольку «долгая запряжка» свидетельствует скорее о неторопливой подготовке к чему-либо важному – например, написании солидного доклада или книги.

А именно такую книгу М. Л. Ковшова и подарила нам, читателям. Внимательно прочитав её, мы многое можем почерпнуть не только из сусеков отечественной лингвокультурологии, но и – из образных сокровищниц других языков и культур. Такова, например, удивительная, на первый взгляд, плотская, а не ментальная тайская идиома *ມາດຳຢາດຳຢາດຳ* ງ, буквально значащая «вернуться с пустым животом». Но если для русской (и всей европейской) культуры живот – вместительное потребляемой пищи, то для тайцев он – вместительность ума. И без «ключей» к соматическому коду тайской культуры догадаться, что идиома означает – ‘Ничему не научиться’, трудно (с. 88). Такие ключи к русскому и не только «кодам культуры» и предложены в книге М. Л. Ковшовой, и прочтение её гарантирует, что никто из читателей не останется «с пустым животом» (в тайском понимании этого выражения). Тем более, что в последних строках предисловия к своей книге автор предлагает нам нетрадиционное для научной монографии, но сердечное пожелание (цитирую): «Всем я желаю замечательной энергии, которую дают паремии и идиомы». И действительно, Лингвокультурология в освещении М. Л. Ковшовой заражает читателя такой паремиологической энергией. Энергией «сверхъестественного», которой всех паремиологов-славистов зарядил СЛАВОФРАЗ-2019 в Братиславе.